

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Поярков С.Ю. Пересмотр концепции государственного суверенитета в контексте трансформации современного конституционализма: от абсолютного суверенитета к «разделяемому» // Юридические исследования. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.5.74517 EDN: UIUQLG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74517

Пересмотр концепции государственного суверенитета в контексте трансформации современного конституционализма: от абсолютного суверенитета к «разделяемому»**Поярков Сергей Юрьевич**

кандидат педагогических наук

Ученый секретарь; Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений (ФГУП)

140570, Россия, Московская область, пгт. Менделеево, промзона ВНИИФТРИ, 11

 psu70@bk.ru[Статья из рубрики "Теория и философия права"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.5.74517

EDN:

UIUQLG

Дата направления статьи в редакцию:

19-05-2025

Аннотация: Современные процессы глобализации, региональной интеграции и цифровизации порождают необходимость пересмотра устоявшихся подходов к государственному суверенитету как ключевому понятию конституционного права. В условиях трансформации конституционализма возрастает значимость изучения механизмов перераспределения суверенных прерогатив между государством, международными организациями и иными наднациональными субъектами. Актуальность темы обусловлена поиском правового баланса между сохранением национального суверенитета и необходимостью эффективного включения в глобальные процессы. Предметом исследования выступают теоретико-правовые основы и институциональные проявления трансформации суверенитета в современном конституционализме. Анализируются формы и пределы «разделяемого» суверенитета в контексте современного публичного права. Особое внимание уделяется взаимодействию

международных и национальных механизмов ограничения и переформатирования суверенитета. Анализ правовых позиций высших судебных инстанций служит эмпирической основой для обоснования концепции «разделяемого» суверенитета. Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, системного и институционального анализа, а также междисциплинарный подход, сочетающий правовую, политологическую и философскую перспективы. В рамках исследования применялись общенаучные методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, а также специальные юридические методы – сравнительно-правовой, формально-юридический и метод конституционного моделирования. Новизна исследования заключается в выявлении эволюции концепции суверенитета от его абсолютного понимания к модели «разделяемого» суверенитета в рамках современного конституционализма. В работе предложено авторское видение соотношения национального и наднационального уровней осуществления публичной власти в условиях правовой глобализации. Делается вывод о необходимости доктринального и нормативного переосмысливания традиционного суверенитета с учётом современной конституционной практики. Исследование выявляет правовые риски и вызовы, связанные с размыванием пределов суверенной власти. Предлагаются направления адаптации правовых систем к новым формам межгосударственного и наднационального взаимодействия. Теоретическая база включает как классические доктрины суверенитета Ж. Бодена и Т. Гоббса, так и с учетом динамики современных правовых систем, современные теории государственного управления, глобализации и транснационального конституционализма.

Ключевые слова:

государственный суверенитет, трансформация, конституционализм, глобализация, наднациональность, публичная власть, международное право, национальный суверенитет, правовая система, разделяемый суверенитет

Введение

Современное правовое мышление всё более остро сталкивается с необходимостью переосмысливания фундаментальных категорий государственного устройства, одной из которых, безусловно, является суверенитет. На протяжении столетий концепция суверенитета оставалась краеугольным камнем теории и практики публичной власти, воплощая представление о верховной, неделимой и неподотчётной власти государства в пределах его территории. Однако с началом XXI века всё отчётливее проявляется кризис классической модели государственного суверенитета, обусловленный целым рядом факторов, коренящихся как в трансформации международной правовой архитектуры, так и в ускоренном изменении природы власти, вызванной процессами глобализации и цифровизации [1].

Глобализация – как правовое, так и политико-экономическое явление – выступает одним из важнейших внешних вызовов национальному суверенитету. Появление и укрепление наднациональных правовых институтов, расширение компетенции международных организаций, обязательность решений трансграничных судебных инстанций – всё это существенно влияет на пределы осуществления государством своих властных полномочий. Одновременно с этим цифровизация, создавая новые формы социальных взаимодействий, формирует специфическое киберпространство, в котором государство утрачивает монополию на нормативное регулирование. Виртуальные рынки, глобальные информационные платформы и искусственный интеллект формируют

альтернативные каналы регулирования общественных отношений, зачастую независимые от воли и юрисдикции государств. В этих условиях возникает объективная необходимость в теоретической и нормативной реконструкции концепции суверенитета — от его традиционного, «абсолютного» понимания к новой, более гибкой и многослойной модели, известной как «разделяемый» суверенитет (*shared sovereignty*) [2, 3].

Целью настоящего исследования является правовой анализ процесса трансформации понятия государственного суверенитета в рамках современной конституционно-правовой мысли и практики. В фокусе внимания — поиск правовых оснований и институциональных проявлений перехода от классической модели суверенитета к модели, предполагающей его разделение, перераспределение или делегирование на различных уровнях публичной власти. Задачи исследования включают в себя: во-первых, выявление исторических и концептуальных оснований классического понимания суверенитета; во-вторых, анализ факторов, способствующих его трансформации в современных условиях; в-третьих, осмысление феномена разделяемого суверенитета через призму международного и конституционного права; и, наконец, исследование правовых механизмов, с помощью которых осуществляется перераспределение суверенных прерогатив между государственными и надгосударственными субъектами.

Обращение к научной литературе демонстрирует, что в юридической науке вопрос суверенитета сохраняет актуальность и вызывает широкую дискуссию. В русскоязычном научном поле значительный вклад в разработку этой проблематики внесли такие исследователи, как В.А. Туманов [4], подчёркивавший важность учёта международно-правовых реалий в интерпретации суверенитета, С.В. Поленина, обосновывавшая концепцию правового ограничения суверенитета [5], а также С.Ю. Кашкин, связывавший трансформацию суверенитета с тенденциями правовой интеграции [6] и др. В англоязычной традиции доминируют подходы, представленные работами А.-М. Slaughter [7], обосновывающей доктрину сетевого государства, а также N. Walker [8], развивающей концепцию постсуверенного конституционализма. Особый интерес представляет позиция S. D. Krasner [9], предлагающего различать четыре типа суверенитета — внутренний, внешний, международный и интердепендентный, — что позволяет по-новому взглянуть на правовую природу данного явления в условиях глобализирующегося мира.

Кроме того научная проблематика усиливается тем обстоятельством, что в современном правовом дискурсе отсутствует единое понимание границ допустимого ограничения или делегирования суверенитета. Вопрос о том, может ли государство добровольно «поделиться» своей суверенной компетенцией и при этом сохранить суверенитет как правовую и политico-юридическую категорию, остаётся открытым. Более того, возникает потребность в ответе на более глубокий вопрос: не трансформируется ли сам конституционализм как система правовых принципов и институтов под воздействием изменений, происходящих с понятием суверенитета?

Методологическая основа исследования строится на принципах комплексности и междисциплинарности. Исследование опирается на системный подход к анализу феномена публичной власти, а также на историко-правовой метод, позволяющий проследить эволюцию теоретического осмыслиения суверенитета от эпохи Возрождения до современности. Важное место занимает сравнительно-правовой анализ, применяемый для сопоставления моделей суверенитета в различных национальных юрисдикциях, в частности, в рамках Европейского Союза, СНГ и международных организаций. Особое

внимание уделяется анализу решений Европейского суда по правам человека, Суда Европейского союза и конституционных судов Германии, Франции, Италии и Российской Федерации. Рассматриваются как доктринальные интерпретации суверенитета в трудах российских учёных, так и положения международных договоров, закрепляющих юридические основания перераспределения властных полномочий между государствами и надгосударственными структурами. Подобное сочетание теоретической глубины и эмпирической конкретики позволяет подойти к проблеме суверенитета не только с точки зрения правовой теории, но и с учётом реалий современной правоприменительной практики.

Эволюция концепции государственного суверенитета в правовой теории и практике

Идея государственного суверенитета, будучи одной из наиболее устойчивых и одновременно противоречивых категорий политico-правовой мысли, прошла сложный путь становления и трансформации. В её истоках лежит стремление осмыслить и юридически зафиксировать основания легитимной и верховной власти, неподотчётной никаким внешним актам или инстанциям. Первая цельная концепция суверенитета была сформулирована в XVI веке французским мыслителем Ж. Боденом, который в своём труде «Шесть книг о государстве» (1576) определил суверенитет как «абсолютную и вечную власть государства». Ж. Боден подчёркивал, что суверен, хотя и ограничен естественным и божественным правом, остаётся высшим источником закона на своей территории. Эта доктрина зародилась в контексте религиозных войн и кризиса феодальной раздробленности и была направлена на укрепление централизованной государственной власти.

На последующем этапе концепт суверенитета получает дополнительное обоснование в рамках Вестфальской системы международных отношений, закреплённой Вестфальским миром 1648 года, который признал принцип территориальной целостности государств и их исключительную компетенцию в пределах национальных границ. Именно с этого момента суверенитет становится не только юридической категорией, но и основополагающим принципом международного порядка. Установившееся равенство государств-субъектов международного права в рамках Вестфальской парадигмы легло в основу развития системы международных отношений вплоть до XX века. В этой модели государство предстает как самодостаточный субъект, независимый в принятии решений и не связанный никакими внешними по отношению к нему нормами, кроме тех, на которые оно дало своё согласие [\[11\]](#).

Классические теории государства и права, формировавшиеся в эпоху Нового времени и Просвещения, придали концепции суверенитета правовую завершённость. У Томаса Гоббса суверен выступает как необходимое условие установления общественного порядка, гарантирующий безопасность граждан в рамках социального контракта. Джон Локк, напротив, акцентировал ограниченность власти суверена естественными правами личности, заложив основу для либерального переосмысления суверенитета как производного от народной воли. Жан-Жак Руссо в «Общественном договоре» выдвинул идею народного суверенитета, согласно которой высшая власть принадлежит не монарху, а коллективной воле граждан. Эти подходы нашли отражение в формировании позитивного права государств, особенно в ходе революционных процессов XVIII–XIX веков, когда национальные конституции начали закреплять суверенитет как высшую форму власти, исходящей от народа.

В контексте национальных правовых систем принцип государственного суверенитета стал

фундаментальной категорией конституционного права. Конституции большинства государств содержат положения, прямо или косвенно утверждающие суверенитет как неотъемлемый атрибут государственности. Так, в Конституции Российской Федерации 1993 г. в ст. 4 закреплено, что суверенитет Российской Федерации распространяется на всю её территорию, а Конституция Франции 1958 г. провозглашает во вступительной части, что «национальный суверенитет принадлежит народу». Суверенитет становится одновременно юридическим и политическим символом, выражющим независимость и самоопределение государства. Он охватывает как внутреннюю сторону — исключительное право на издание норм, отправление правосудия и контроль над ресурсами, — так и внешнюю — свободу участия в международных отношениях и неприкосновенность границ.

Однако уже в XX веке классическая концепция абсолютного и неделимого суверенитета начинает подвергаться интенсивной критике. С одной стороны, усиливается значение международного права, ограничивающего произвольное поведение государств. После Второй мировой войны и принятия Устава ООН (1945) идея абсолютного суверенитета вступает в противоречие с новыми международно-правовыми нормами, призванными защищать права человека и предотвращать агрессию. Принцип невмешательства, казалось бы, логически вытекающий из концепции суверенитета, начинает уступать место концепции «обязанности защищать» (Responsibility to Protect, R2P), что означает возможность международного вмешательства в случае массовых нарушений прав и свобод. С другой стороны, всё большее значение приобретает международная юстиция — Европейский суд по правам человека, Международный уголовный суд, Суд Европейского союза — решения которых могут вступать в прямое противоречие с национальными актами и при этом иметь приоритетное применение.

Правовая доктрина реагирует на эти изменения выработкой новых интерпретаций суверенитета. На смену монолитной модели, согласно которой суверенитет является неделимой и исключительной компетенцией государства, приходит плюралистическая модель, допускающая возможность распределения суверенных полномочий между различными уровнями власти. Это распределение может быть как вертикальным — от государства к международным организациям, — так и горизонтальным — в рамках федеративных и децентрализованных систем. Яркий пример тому — Европейский Союз, в котором государства-члены добровольно передают часть своих суверенных полномочий наднациональным органам, сохраняя при этом за собой остаточный суверенитет. Как отмечает Joseph N.H. Weiler, Европейский Союз представляет собой *sui generis* форму политico-правовой организации, в которой соотношение национального и наднационального суверенитета не поддаётся классическим моделям анализа [12].

Таким образом, современная доктрина переходит от восприятия суверенитета как абсолютной, неподотчётной власти к его осмыслинию как конструкта, находящегося в постоянной динамике. Эта динамика отражает не только изменяющуюся роль государства, но и смену ценностных ориентиров в праве: от доминирования идеи суверенной воли к приоритету универсальных прав и глобальных механизмов правосудия. Суверенитет уже не является единичным, эксклюзивным атрибутом государства, но представляет собой совокупность полномочий, юридически фиксируемых и институционально распределяемых, подверженных пересмотру и согласованию в условиях глобализирующегося правопорядка.

Факторы трансформации суверенитета в современном конституционализме

Современное правовое и политическое пространство все более отчетливо

демонстрирует, что государственный суверенитет утрачивает прежний статус неизменного и исключительного начала, обусловленного только территорией, населением и властью. Эта трансформация происходит не одномоментно и не одномерно, а в результате взаимодействия множества факторов, каждый из которых по-своему переопределяет представление о суверенитете как фундаменте конституционного строя. В этом контексте ключевым вектором изменений становится глобализация, под воздействием которой происходит эрозия традиционных границ между внутренним и внешним, национальным и наднациональным, частным и публичным. Государства уже не являются единственными центрами правотворчества и властного регулирования — они вынуждены делить своё суверенное пространство с другими акторами, включая международные организации, транснациональные корпорации и технологические платформы.

Процесс глобализации, вопреки иллюзии всеобщего сближения правовых и политических систем, сопровождается размыванием монополии государства на верховенство. Суверенитет, в классическом понимании как высшая и независимая власть, всё чаще оказывается ограниченным как внешними обязательствами, так и внутренними факторами. Глобальные экономические потоки, цифровые трансграничные коммуникации, экологические риски и миграционные кризисы создают ситуации, когда отдельное государство оказывается неспособным эффективно решать задачи без координации с другими субъектами. Именно в таких условиях усиливается значение так называемого «разделяемого» или «ограниченного» суверенитета, который предполагает не отказ от суверенитета как такового, а его переформатирование в пользу более гибких и кооперативных форм правового взаимодействия. Как подчеркивает A. Peters, речь идет не об ослаблении государственности, а о её адаптации к новой политико-правовой реальности, где прежние основания легитимации власти оказываются недостаточными [\[13\]](#).

Особую роль в трансформации суверенитета играют международные организации и институты, в первую очередь те, чья деятельность направлена на стандартизацию правовых норм и контроль за их соблюдением. Такие институты, как Организация Объединённых Наций, Всемирная торговая организация, Совет Европы и особенно Европейский союз, оказывают прямое влияние на внутригосударственное правотворчество и правоприменение. Примат норм международного права над национальными становится реальностью, отражённой как в международных соглашениях, так и в национальных конституциях и судебной практике. Так, Конституционный суд Германии в ряде решений (в частности, «*Maastricht-Urteil*» (1993) прямо указывает на допустимость ограничения суверенитета в интересах наднационального правопорядка, если это соответствует принципу демократии и правовой определённости. Конституционный Суд Российской Федерации также высказывался по вопросу приоритета международных норм, ограничивая его в случае противоречия с основами конституционного строя (Постановление от 14 июля 2015 года № 21-П).

Региональные интеграционные процессы, в особенности в рамках Европейского союза, являются собой наиболее убедительный пример того, как суверенитет может быть не отменён, а перераспределён в пользу надгосударственного управления. Здесь формируется уникальная модель правового взаимодействия, где государства-члены, оставаясь субъектами международного права, тем не менее передают часть своих полномочий наднациональным органам, обладающим юридически обязательными инструментами воздействия. В таких условиях суверенитет обретает новую форму — он становится подлежащим переговорам, конституционному согласованию и судебной

интерпретации. Как отмечает немецкий исследователь Ingolf Pernice, речь идет о «многоуровневом конституционализме», в котором национальные и наднациональные правовые порядки соотносятся не по принципу иерархии, а по принципу кооперации [14]. Подобное понимание суверенитета требует переосмысления концепции народного суверенитета, поскольку народ уже не является единственным источником власти, а лишь одним из субъектов в сложной сети многоуровневой легитимации.

Цифровая трансформация в свою очередь порождает совершенно новые вызовы классической концепции суверенитета. Государство более не является единственным субъектом, обладающим контролем над информацией, коммуникацией и данными. В условиях господства цифровых платформ, алгоритмов и искусственного интеллекта, значительная часть нормативного воздействия на поведение индивидов осуществляется не через государственные механизмы, а через частные цифровые регуляторы. Транснациональные корпорации, такие как Meta, Google, Amazon, приобретают реальную власть, сравнимую с функциями государств: они формируют собственные правила поведения, модерации, конфиденциальности и санкционирования, при этом зачастую действуя вне правового поля той или иной юрисдикции. Как подчёркивает S. Zuboff, в условиях «надзирающего капитализма» (surveillance capitalism) происходит перераспределение контроля над поведением граждан в пользу негосударственных акторов, что ставит под сомнение монополию государства на нормативное регулирование [15].

Не менее значимое влияние на пересмотр концепции суверенитета оказывают трансграничные угрозы, такие как пандемии, международный терроризм и киберугрозы. Эти явления обладают способностью одновременно воздействовать на внутреннюю и внешнюю безопасность, нарушая привычные границы между национальной компетенцией и глобальными обязанностями. Борьба с пандемией COVID-19 продемонстрировала ограниченность классических механизмов государственного управления и необходимость международной координации, в том числе в вопросах здравоохранения, логистики и защиты прав человека. Государства были вынуждены ограничивать некоторые фундаментальные свободы во имя общественного блага, при этом опираясь на рекомендации Всемирной организации здравоохранения и иные наднациональные источники норм. Аналогично, борьба с международным терроризмом (особенно после 11 сентября 2001 года) легитимировала принятие надгосударственных механизмов наблюдения, контроля и пресечения, таких как совместные базы данных, трансграничное сотрудничество разведок и антитеррористических органов. Подобные меры усиливают тенденцию к формированию «функционального суверенитета», то есть власти, осуществляющей в зависимости от характера угрозы, а не исключительно по территориальному признаку.

Наиболее остро в этом контексте встает вопрос взаимодействия международных и национальных норм, который на практике не всегда укладывается в рамки иерархической подчиненности. Современная правовая наука всё чаще апеллирует к концепции симбиоза правопорядков, согласно которой международное и конституционное право вступают в диалог, а не в конфликт. Речь идет не просто о приоритете одного над другим, а о необходимости их согласования в процессе интерпретации и применения. В различных странах этот подход реализуется по-разному: в ряде случаев (как в Германии или Нидерландах) международное право получает прямое применение, в других (например, в России или Великобритании) — подлежит конституционной адаптации. Такая асимметрия правовых практик, по сути, является отражением продолжающейся борьбы за пределы суверенитета в условиях глобального

конституционализма.

Концепция «разделяемого» суверенитета: теоретические основания и правовая природа

Современное понимание государственного суверенитета всё чаще выходит за рамки традиционного представления о нем как о единой, неделимой и исключительно национальной прерогативе. В условиях сложившейся глобальной полицентричности, где пересекаются различные уровни правовых, институциональных и политических взаимодействий, формируется новая модель — концепция «разделяемого» суверенитета (*shared sovereignty*) [16, 17]. Данный подход отражает не ослабление государственности, а её эволюцию в направлении гибкости и открытости, предполагающей кооперативное распределение властных полномочий между государством, наднациональными институтами и иными субъектами правотворчества. Теоретическая сложность этой конструкции проявляется в том, что она находится на стыке политической философии, теории международного права и конституционной доктрины, вбирая в себя идеи различных научных школ — от либеральной до конструктивистской.

Либеральные интерпретации «разделяемого» суверенитета исходят из приоритета индивидуальных прав и свобод, которые должны быть гарантированы вне зависимости от уровня власти, на котором осуществляется регулирование. Представители данного подхода, в том числе J. Habermas [18], подчеркивают, что государственный суверенитет не является самоцелью, а лишь средством обеспечения легитимной и эффективной власти. В этом контексте делегирование части суверенных полномочий наднациональным структурам рассматривается как механизм усиления институционального потенциала, необходимого для решения задач глобального масштаба — от защиты прав человека до обеспечения устойчивого развития. Институционалистские интерпретации, напротив, сосредоточены на анализе процессов формирования стабильных правовых и организационных структур, обеспечивающих распределение власти на разных уровнях. Как отмечает A. Moravcsik, эффективность такой системы определяется не столько вопросом наличия формального суверенитета, сколько степенью согласованности и взаимодействия между уровнями правового регулирования [19]. Конструктивистский подход, в свою очередь, акцентирует внимание на том, что суверенитет — не объективная, а социально сконструированная категория, содержание и границы которой зависят от конкретного историко-культурного и политico-правового контекста. Исходя из этого, суверенитет может быть «разделяем» не только между государствами и надгосударственными субъектами, но и в рамках внутригосударственных процессов, включая участие гражданского общества и региональных сообществ в принятии решений.

Концепция «разделяемого» суверенитета тесно связана с принципом субсидиарности, получившим особое развитие в праве Европейского союза и конституционной теории отдельных государств. Принцип субсидиарности, зафиксированный, в частности, в ст. 5 Договора о Европейском союзе, предполагает, что решения принимаются на наиболее низком уровне, способном эффективно их реализовать. Тем самым осуществляется не иерархическое подчинение, а согласованное взаимодействие различных уровней власти — от муниципального до наднационального. Такой подход обеспечивает институциональный баланс между автономией государств-членов и необходимостью коллективного реагирования на транснациональные вызовы. В немецкой правовой доктрине и судебной практике, включая решения Федерального конституционного суда (например: *Judgment of the Second Senate of 5 May 2020 – 2 BvR 859/15 (PSPP)*), принцип

субсидиарности рассматривается как основа демократической легитимации в условиях многоуровневого управления, где национальный суверенитет не исчезает, а переформатируется в горизонтальном взаимодействии.

В юридической плоскости суверенитет в рамках данной концепции предстает как переменная категория, изменяющая свое содержание и объем в зависимости от контекста правового регулирования. Это означает, что он может быть не только частично передан, но и возвращён в случае нарушения институционального баланса или правовой легитимности. Подобный подход получил отражение в ряде конституционных решений и актов, закрепляющих возможность ограничения или приостановления действия международных норм, если они противоречат основам конституционного строя. Так, в решении Конституционного Совета Франции от 2004 года подчёркивается, что участие в международной интеграции не может нарушать национальную идентичность, закреплённую в Конституции (*Décision n° 2004-505 DC du 19 novembre 2004*). Таким образом, суверенитет в правовом смысле приобретает статус «динамического правомочия», подлежащего интерпретации, балансировке и, в определённых случаях, судебному пересмотру.

Особое значение в осмыслении правовой природы «разделяемого» суверенитета приобретает концепция «многослойного» (multi-level) или «многоуровневого» конституционализма. Этот подход, широко развиваемый в немецкоязычной и ангlosаксонской доктрине (T. Schilling, I. Pernice, N. Walker), предполагает, что различные уровни правового регулирования — национальный, наднациональный и международный — обладают собственной нормативной ценностью и конституционной легитимностью. Конституционные принципы, такие как верховенство права, защита прав человека, демократическое участие, действуют не изолированно, а во взаимосвязи, формируя единую систему ценностей и правовых стандартов. Таким образом, концепция многослойного конституционализма предлагает не просто модель распределения полномочий, а парадигму взаимодействия, в которой каждый уровень власти действует в пределах своих компетенций, но при этом в соответствии с общими принципами правового государства.

Необходимо при этом отличать концепцию разделяемого суверенитета от федерализма, конфедерализма и иных традиционных форм распределения власти. Федерализм основан на вертикальной децентрализации в рамках одного государства, где субъекты федерации обладают ограниченным, но конституционно закрепленным объемом суверенных прав. Конфедерализм же предполагает союз независимых государств, сохраняющих полный суверенитет, но объединённых договором ради определённых целей. Разделяемый суверенитет не сводится ни к одной из этих моделей: он формируется на основе добровольного, но юридически значимого перераспределения власти между государством и иными акторами, зачастую не обладающими статусом государства. В этом смысле можно говорить о принципиальной новизне рассматриваемой категории: она не является просто новой формой федерализма или конфедерации, а представляет собой качественно иной тип правового взаимодействия, основанный на взаимной зависимости и функциональной координации.

Таким образом, концепция «разделяемого» суверенитета отражает глубокие трансформации, происходящие как в теории государства и права, так и в практике современного конституционного регулирования. Она указывает на необходимость переосмыслиния суверенитета как гибкого, относительного и взаимодействующего начала, способного сосуществовать с иными формами власти и правового воздействия. Это не отказ от государственности, а новая форма её институционального выражения,

предполагающая диалог, а не подчинение, и соразмерность, а не исключительность.

Правовые механизмы и институциональные проявления разделяемого суверенитета

Понятие «разделяемого» суверенитета, сформировавшееся в рамках современной политики-правовой мысли как ответ на вызовы глобализации, региональной интеграции и транснационализации публичной власти, требует не только теоретического осмыслиения, но и выявления конкретных правовых механизмов и институциональных форм его реализации. В отличие от классической модели абсолютного суверенитета, господствовавшей в юридической доктринации Нового времени, современное правовое пространство все в большей степени определяется множественностью уровней нормотворчества и полицентричностью власти, где суверенные полномочия не исчезают, а перераспределяются в пределах нормативно установленных рамок.

Одним из фундаментальных механизмов перераспределения суверенных функций выступают конституционные и международно-правовые инструменты, позволяющие государствам передавать часть своих исключительных компетенций наднациональным или международным организациям. Такой процесс может быть реализован как посредством внесения поправок в национальные конституции, прямо предусматривающих возможность участия в интеграционных объединениях, так и путем ратификации международных договоров, включающих обязательства по делегированию части суверенитета. Например, Конституция Федеративной Республики Германии в ст. 23 Основного закона прямо предусматривает возможность участия в развитии Европейского союза при условии соблюдения принципов демократии, правового государства и федерализма. Конституционные положения подобного рода создают основу для институционального признания разделяемого суверенитета, устанавливая правовые границы его реализации и механизмы защиты от возможного нарушения национальной идентичности.

В международном праве механизм перераспределения суверенитета воплощается прежде всего в принципах договорной передачи полномочий, признанных как в теории, так и в практике международных организаций. По мнению J. L.Cohen, передача государствами части суверенитета международным организациям не является отказом от суверенитета как такого, а его реализацией в новых правовых формах, позволяющих обеспечивать коллективные интересы и решать задачи, выходящие за пределы национальных юрисдикций. Подобная позиция подтверждается практикой таких организаций, как Европейский союз, Всемирная торговая организация, Совет Европы и Организация Объединённых Наций, чьи нормы и институты прямо воздействуют на внутренние правопорядки государств-участников.

Особое значение в развитии институциональных форм разделяемого суверенитета приобретает судебная практика, как международных, так и национальных судов. Решения этих судебных органов служат не только инструментом разрешения конкретных юридических коллизий, но и важным источником доктринального осмыслиния природы суверенитета в условиях его перераспределения. В этом контексте стоит отметить решения Европейского суда по правам человека, в которых последовательно проводится идея приоритетности стандартов Европейской конвенции над национальными нормами, за исключением случаев, когда речь идет о защите конституционной идентичности. Подобную позицию выразил, в частности, Конституционный суд Германии в решении по делу *Solange II* (1986), в котором указал, что до тех пор, пока правовая система Европейского союза обеспечивает уровень защиты прав, сопоставимый с национальным,

основное право Германии не будет препятствием для признания приоритета наднациональных норм.

Интересна также практика Европейского суда справедливости, где судебная аргументация развивает концепцию автономии права ЕС, воспринимая его как отдельный правопорядок, не подчиняющийся полностью ни международному, ни национальному праву. В деле *Van Gend en Loos* (1963) суд прямо признал, что Европейский союз является новым правопорядком международного права, субъекты которого — не только государства, но и физические и юридические лица. Такой подход означает, что суверенитет государств-членов существует в рамках общего нормативного поля и реализуется в процессе постоянного взаимодействия с наднациональными структурами.

Практика Всемирной торговой организации демонстрирует еще одну разновидность разделяемого суверенитета — в сфере торговой и экономической регуляции. Присоединение к ВТО требует от государства согласия на применение норм, прямо ограничивающих его свободу в установлении национальной экономической политики. В то же время механизмы разрешения споров в рамках ВТО, включая деятельность Апелляционного органа, обеспечивают соблюдение принципов равноправия и правовой определенности в условиях международной конкуренции. Подобное перераспределение регулятивных функций при сохранении правового контроля — один из примеров институционального выражения разделяемого суверенитета.

Вместе с тем национальные правопорядки по-разному интерпретируют соотношение суверенитета и международных обязательств. Французский Конституционный совет в ряде решений подчеркивал, что международные договоры, хотя и обладают приоритетом над законами, не могут превалировать над конституцией. В решении от 19 ноября 2004 г. по вопросу о Конституции Европейского союза Совет указал на необходимость внесения изменений в национальную Конституцию для ратификации данного документа, тем самым подтвердив принцип верховенства национального основного закона. Германия, напротив, демонстрирует более гибкий подход, допускающий признание приоритета норм ЕС при условии их соответствия основным конституционным принципам (*Lissabon-Urteil*, 2009). В России в последние годы наблюдается усиление тенденции к приоритету национального суверенитета, в том числе в конституционной практике. Поправки 2020 года к Конституции РФ (ст. 79) прямо закрепили невозможность исполнения решений межгосударственных органов, противоречащих Конституции РФ. При этом сохраняется формальная приверженность международным обязательствам, что создает правовую амбивалентность, отражающую внутренний конфликт между суверенитетом и международной кооперацией. В Канаде, напротив, международные договоры, хотя и не обладают прямым действием без соответствующего имплементационного законодательства, широко используются судами при толковании правовых норм, что указывает на высокий уровень правового диалога между национальным и международным уровнями.

Ключевым гарантом баланса между национальным суверенитетом и действием международных норм выступают институты конституционного контроля, обладающие полномочиями по проверке соответствия международных обязательств основным конституционным принципам. Так, Конституционный суд России в Постановлении №21-П от 14 июля 2015 г. сформулировал доктрину «конституционного ограничения имплементации», указав, что международные нормы не подлежат исполнению, если они противоречат основам национального конституционного строя. Аналогичные механизмы действуют в правопорядках Италии, Чехии, Польши, где конституционные суды выступают своеобразными арбитрами в вопросе допустимости ограничения национального

сouverenитета. Однако подобные практики не сводятся к простому отрицанию международных норм — они свидетельствуют о стремлении выработать устойчивую модель согласования различных уровней нормативной власти, что и составляет сущность разделяемого суверенитета в его институциональном измерении.

Таким образом, правовые механизмы и институциональные формы разделяемого суверенитета представляют собой сложную систему многоуровневых взаимодействий, основанную на гибком перераспределении компетенций, судебной интерпретации, национальном конституционализме и международном правопорядке. Эта система не предполагает исчезновения государственности, а, напротив, свидетельствует о её преобразовании в условиях глобального правового поля, где суверенитет реализуется не в изоляции, а во взаимодействии.

Риски, вызовы и перспективы развития концепции суверенитета в условиях трансформации конституционализма

Современные процессы трансформации государственного суверенитета, находящегося в тесной взаимосвязи с эволюцией конституционализма, сопровождаются не только теоретическими и правовыми достижениями, но и целым рядом рисков и вызовов, которые затрагивают саму сущность публичной власти, её легитимацию, институциональную структуру и ценностное основание. Новые формы политico-правового взаимодействия, возникшие в условиях глобализации, цифровизации и полицентрической нормативности, ставят под сомнение прежние аксиомы государственности, вызывая необходимость переосмысления базовых категорий конституционного строя, включая не только суверенитет, но и демократию, подотчётность, разделение властей и легитимность.

Одним из наиболее острых вызовов является размывание границ публичной власти, что порождает проблему сохранения и самоопределения правовой идентичности в условиях многослойного правового пространства. Традиционно публичная власть ассоциировалась с государством как единственным субъектом, обладающим суверенным правом на нормотворчество, принуждение и легитимное насилие. Однако в новых реалиях эта монополия подвергается серьёзному пересмотру. Значительную часть публично значимых решений принимают органы, находящиеся вне пределов национального правопорядка — будь то наднациональные институты, транснациональные корпорации или сетевые платформы, обладающие фактическим контролем над ключевыми сферами общественной жизни. В таких условиях затруднено установление чёткой границы между «внутренним» и «внешним», «частным» и «публичным», «государственным» и «негосударственным». Как указывают ряд авторов, трансформация суверенитета сопровождается правовой неопределенностью, подрывающей целостность национальной правовой системы и способствующей утрате нормативной автономии [\[21\]](#). Аналогичные оценки присутствуют и в зарубежной литературе — так, S. Sassen подчёркивает, что глобальные режимы власти всё чаще действуют в обход традиционных государственных структур, формируя новые поля нормативного влияния, не обладающие прежней правовой прозрачностью [\[22\]](#).

Эта неопределенность усиливает опасность эрозии демократической легитимности, которая традиционно базировалась на представлении о народном суверенитете, реализуемом через избранные органы власти в пределах определённой территории. Наднациональное регулирование, не всегда сопровождаемое прямой демократической легитимацией, вызывает вопросы относительно его соответствия принципам народного волеизъявления и подотчётности. При этом, по мнению D. Held, одной из тенденций

современного конституционного развития становится смещение центра принятия решений за пределы национальных институтов, что может восприниматься как угроза демократическому контролю. В Европейском союзе, несмотря на развитие механизмов парламентского участия и расширение полномочий Европейского парламента, сохраняются опасения по поводу так называемого «дефицита демократии», при котором ключевые решения принимаются исполнительными структурами, лишёнными прямого мандата от граждан. Аналогично, международные организации, включая Всемирный банк, Международный валютный фонд или ВТО, не являются институтами, подконтрольными национальным избирателям, что вызывает легитимационные коллизии в условиях передачи им части суверенных функций.

В этом контексте особенно значимой становится проблема подотчётности и транспарентности глобальных акторов, действующих в транснациональном правовом поле. В отличие от национальных институтов, деятельность которых регулируется конституционными процедурами, международные и надгосударственные структуры зачастую опираются на договорные или административные процедуры, мало восприимчивые к общественному контролю. Такие субъекты, как транснациональные технологические компании, платформы искусственного интеллекта, владельцы больших данных, фактически формируют новые нормативные поля — от правил модерации контента до алгоритмов, влияющих на поведение пользователей. Однако они практически не включены в правовые механизмы подотчётности и публичной ответственности. Как подчёркивает F. Vibert, в эпоху глобального управления возникает новая форма «технократического суверенитета», где власть основана на экспертизе и функциональной эффективности, но не на демократическом мандате [\[24\]](#). В таких условиях встаёт вопрос: возможно ли сохранить принцип народного суверенитета в ситуации, когда значительная часть регулирования осуществляется вне сферы действия национальных парламентов и судебной системы?

Тем не менее, несмотря на очевидные риски, концепция суверенитета в современных условиях сохраняет свою значимость как инструмент адаптации к новым формам правовой и политической интеграции, а не как устаревшая категория, подлежащая устраниению. Современные исследования подчеркивают, что суверенитет всё чаще воспринимается не как абсолютная и неизменная категория, а как правовой механизм, позволяющий государствам участвовать в международных процессах, не теряя при этом способности к саморегуляции. В этом смысле суверенитет становится функциональным ресурсом, распределяемым в зависимости от задач, угроз и контекстов. Как утверждал S.D. Krasner, государство, не способное делиться суверенитетом, не способно и защищать его в условиях транснационального давления. Такая функционализация суверенитета предполагает его гибкость, способность к перераспределению и обратно — к реинтеграции, если того требует политическая или конституционная целесообразность. Подобное понимание уже проявляется в практике государств, участвующих в интеграционных проектах: они делегируют полномочия, но сохраняют за собой право выхода, контроля или изменения условий делегирования, как это было в случае с Brexit.

Наконец, происходящие изменения подводят правовую науку к необходимости переосмысления конституционных принципов в условиях гибридных форм власти, где суверенитет больше не может рассматриваться исключительно в рамках иерархической модели власти. Возникает потребность в обновлении понятийного аппарата, в разработке новых подходов к пониманию легитимности, компетенции, подотчётности и верховенства права. Так, идея конституционного плюрализма, активно обсуждаемая в зарубежной литературе (M. Kumm [\[26\]](#), N. Walker [\[27\]](#)), предполагает возможность

существования нескольких автономных правопорядков в едином пространстве правовой валидности, при этом каждый из них обладает собственной системой обоснования. Для правопорядков, переживающих процессы внутренней трансформации, такой подход может оказаться ключом к нахождению равновесия между традиционной государственной легитимацией и требованиями глобального управления. При этом сложность этих процессов требует не столько отказа от суверенитета, сколько его концептуального обновления. Суверенитет в настоящее время предстает уже не как догматическая аксиома, а как многофункциональный, правовой и политический инструмент, обеспечивающий государству способность к действию в условиях неопределенности, взаимодействия и многополярности. Именно в этой логике и формируется новая парадигма конституционализма — открытого, сетевого, адаптивного.

Заключение

Современные трансформации в сфере публичной власти, вызванные углубляющимися процессами глобализации, цифровизации и институционального переплетения национальных и наднациональных правопорядков, обостряют дискуссии о природе и будущем суверенитета как краеугольного камня конституционного строя. Концепция суверенитета, ранее воспринимаемая как неделимое выражение государственной воли и исключительного права распоряжаться внутренними и внешними делами, подверглась серьёзной ревизии. Сложность, множественность и фрагментарность современных источников власти демонстрируют, что классическое понимание суверенитета как абсолютной автономии государства утратило свою нормативную универсальность и политическую применимость. Взамен возникает необходимость теоретического и правового осмыслиения многоуровневой, гибкой, институционально распределённой системы властных полномочий, где суверенитет не исчезает, но качественно преобразуется.

Одним из центральных векторов этой трансформации становится формирование доктрины «разделяемого» суверенитета, представляющей собой не отступление от традиционного суверенитета, а его развитие в новых институциональных и нормативных координатах. Согласно этой концепции, государство не теряет суверенитет, передавая часть своих полномочий наднациональным или международным институтам, но, напротив, реализует его через участие в глобальных и региональных правовых конструктах. В такой логике суверенитет приобретает процессуальную природу, выражющуюся не в замкнутом обладании властью, а в способности к добровольному делегированию, координации и адаптации. Исследователи подчёркивают, что в XXI веке суверенитет может функционировать как институциональный канал включённости в мировое право и экономику, сохраняя при этом устойчивость внутренних политico-правовых механизмов.

Однако этот процесс сопряжён с рядом противоречий, требующих комплексного теоретико-правового осмыслиения. С одной стороны, разделение суверенитета открывает государствам новые возможности для коллективного решения транснациональных проблем — от миграции до кибербезопасности, от регулирования рынков до климатических вызовов. С другой — оно порождает риск утраты суверенной субъектности в случае отсутствия эффективных механизмов обратной связи, контроля и пересмотра переданных полномочий. Таким образом, важнейшей задачей современного конституционализма становится разработка таких моделей институционального взаимодействия, в которых делегирование не подрывает легитимность, а напротив — укрепляет её через правовую предсказуемость, демократическое участие и соблюдение принципов правового государства.

В этом контексте вопрос о переосмыслении суверенитета приобретает особое значение как для национальных, так и для международных правопорядков. Внутри национальных систем наблюдается усиление процессов, направленных на юридическое закрепление принципов взаимодействия с внешними источниками нормотворчества, что требует тонкой настройки конституционно-правовых механизмов. Возникает необходимость адаптации норм о верховенстве конституции, компетенции органов государственной власти и защите прав человека к условиям участия в наднациональных структурах. В то же время международный правопорядок также требует обновления — от восстановления доверия к многосторонним институтам до разработки новых форм взаимного признания и гибкой нормативной координации.

На этом фоне всё более актуальным становится вопрос о судьбе суверенитета в эпоху постгосударственности, то есть в условиях, когда государство перестаёт быть единственным центром нормативного регулирования и политического авторитета. Постгосударственная реальность проявляется не в отмене государства, а в его трансформации: государство уже не является автономной закрытой системой, но функционирует как узел в сложной сети правовых, экономических, культурных и технологических взаимодействий. В этих условиях суверенитет может сохранить своё значение, если он будет пониматься не как догматическая категория XIX века, а как динамичный, многоуровневый и взаимосвязанный процесс выстраивания политico-правовой субъектности. Эта новая субъектность не сводится к территориальной монополии, но формируется на основе способности участвовать в управлении рисками, обеспечении устойчивости, защите фундаментальных прав и выстраивании взаимной ответственности между властью и обществом — как внутри государства, так и в международном масштабе.

Именно в этой многомерной и подвижной реальности происходит переформатирование конституционного языка, переосмысление нормативных оснований правового порядка и формирование новых смыслов, в которых суверенитет выступает не как абсолют, а как арена сложного диалога между традицией и инновацией, стабильностью и гибкостью, национальной идентичностью и глобальной взаимозависимостью. Размышляя о будущем суверенитета, невозможно ограничиться правовыми дефинициями — необходимо учитывать всю полноту политico-правовых, культурных и технологических изменений, определяющих конфигурацию публичной власти в XXI веке.

Библиография

1. Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Трансформация концепции государственного суверенитета в условиях глобализации // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 3. С. 86-89. EDN: REFVGO.
2. Krasner S. D. Building Democracy After Conflict: The Case for Shared Sovereignty // Journal of Democracy. 2005. Vol. 16. № 1. С. 69-83.
3. Matanock A. M. Governance Delegation Agreements: Shared Sovereignty as a Substitute for Limited Statehood // Governance. 2014. Vol. 27. № 4. С. 589-612.
4. Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М.: Наука, 1971. 384 с.
5. Поленина С.В. Система права и система законодательства в современных условиях // Правоведение. 1987. № 5. С. 29-37. EDN: TW PVTX.
6. Интеграционное право в современном мире: сравнительно-правовое исследование: монография / отв. ред. Кашкин С.Ю. М.: Проспект, 2015. 416 с.
7. Slaughter A-M. Disaggregated Sovereignty: Towards the Public Accountability of Global Government Networks // Government and Opposition. 2004. Vol. 39. № 2. С. 159-190.

8. Walker N. Constitutionalism and the Incompleteness of Democracy: An Iterative Relationship // Netherlands Journal of Legal Philosophy. 2010. № 3. С. 206-233.
9. Krasner S. D. Abiding Sovereignty // International Political Science Review. 2001. Vol. 22. № 3. С. 229-251.
10. Боден Ж. Шесть книг о государстве / пер. с фр. Н. А. Хачатурян // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. 2. Европа V-XVII вв. / под ред. Н. А. Крашенинниковой. М.: Мысль, с. 688-695.
11. Sarkar J. Debating a Post-Westphalian International Order // Mainstream Weekly. 2015. Vol. LIII. № 15.
12. Weiler J. H. H. The Transformation of Europe // The Yale Law Journal. 1991. Vol. 100. № 8. С. 2403-2483.
13. Peters A. Sovereigns as Trustees of Humanity: On the Accountability of States to Foreign Stakeholders // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2011. Vol. 18. Iss. 2. С. 517-536.
14. Pernice I. Multilevel Constitutionalism and the Crisis of Democracy in Europe // European Constitutional Law Review. 2015. Vol. 11. Iss. 3. С. 541-562.
15. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: PublicAffairs, 2019.
16. Mikler J. Sharing Sovereignty for Policy Outcomes // Policy and Society. 2011. Vol. 30. Iss. 3. С. 151-160.
17. Lange B., Herlo A., Ibert M. Rethinking Geographies of Sovereignty: Towards a Conceptual Framework of Situated Sovereignty // Geography Compass. 2023. Vol. 17. Iss. 2.
18. Habermas J. Human Rights and Popular Sovereignty: The Liberal and Republican Versions // Ratio Juris. 1994. Vol. 7. Iss. 1. С. 1-13.
19. Moravcsik A. The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht. Ithaca NY: Cornell University Press, 1998. 514 p.
20. Cohen J. L. Whose Sovereignty? Empire versus International Law // Ethics & International Affairs. 2004. Vol. 18. Iss. 3. С. 1-24.
21. Соколова А. А. Проблема суверенитета и особенности политической трансформации государства в условиях глобализации // Власть. 2009. № 12. С. 45-48. EDN: KYVEZP.
22. Sassen S. Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages. Princeton University Press, 2006.
23. Held D. Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance. Stanford University Press, 1995.
24. Vibert F. The Rise of the Unelected: Democracy and the New Separation of Powers. Cambridge University Press, 2007.
25. Krasner S. D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton University Press, 1999.
26. Kumm M. The Cosmopolitan Turn in Constitutionalism: An Integrated Conception of Public Law // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2013. Vol. 20. Iss. 2. Art. 4.
27. Sovereignty in Transition. Ed. by Neil Walker. Oxford: Hart Publishing, 2003. XII, 556 pp.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, проблема пересмотра концепции государственного суверенитета в контексте трансформации современного конституционализма.

Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "Методологическая основа исследования строится на принципах комплексности и междисциплинарности. Исследование опирается на системный подход к анализу феномена публичной власти, а также на историко-правовой метод, позволяющий проследить эволюцию теоретического осмыслиения суверенитета от эпохи Возрождения до современности. Важное место занимает сравнительно-правовой анализ, применяемый для сопоставления моделей суверенитета в различных национальных юрисдикциях, в частности, в рамках Европейского Союза, СНГ и международных организаций. Особое внимание уделяется анализу решений Европейского суда по правам человека, Суда Европейского союза и конституционных судов Германии, Франции, Италии и Российской Федерации. Рассматриваются как доктринальные интерпретации суверенитета в трудах российских учёных, так и положения международных договоров, закрепляющих юридические основания перераспределения властных полномочий между государствами и надгосударственными структурами. Подобное сочетание теоретической глубины и эмпирической конкретики позволяет подойти к проблеме суверенитета не только с точки зрения правовой теории, но и с учётом реалий современной правоприменительной практики".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Современное правовое мышление всё более остро сталкивается с необходимостью переосмыслиния фундаментальных категорий государственного устройства, одной из которых, безусловно, является суверенитет. На протяжении столетий концепция суверенитета оставалась краеугольным камнем теории и практики публичной власти, воплощая представление о верховной, неделимой и неподотчётной власти государства в пределах его территории. Однако с началом XXI века всё отчётливее проявляется кризис классической модели государственного суверенитета, обусловленный целым рядом факторов, коренящихся как в трансформации международной правовой архитектуры, так и в ускоренном изменении природы власти, вызванной процессами глобализации и цифровизации [1].

Глобализация — как правовое, так и политico-экономическое явление — выступает одним из важнейших внешних вызовов национальному суверенитету. Появление и укрепление наднациональных правовых институтов, расширение компетенции международных организаций, обязательность решений трансграничных судебных инстанций — всё это существенно влияет на пределы осуществления государством своих властных полномочий. Одновременно с этим цифровизация, создавая новые формы социальных взаимодействий, формирует специфическое киберпространство, в котором государство утрачивает монополию на нормативное регулирование. Виртуальные рынки, глобальные информационные платформы и искусственный интеллект формируют альтернативные каналы регулирования общественных отношений, зачастую независимые от воли и юрисдикции государств. В этих условиях возникает объективная необходимость в теоретической и нормативной реконструкции концепции суверенитета — от его традиционного, «абсолютного» понимания к новой, более гибкой и многослойной модели, известной как «разделяемый» суверенитет (*shared sovereignty*) [2, 3]". Ученым раскрыта степень изученности поднимаемых в статье проблем: "Обращение к научной литературе демонстрирует, что в юридической науке вопрос суверенитета сохраняет актуальность и вызывает широкую дискуссию. В русскоязычном научном поле значительный вклад в разработку этой проблематики внесли такие исследователи, как В.А. Туманов [4], подчёркивавший важность учёта международно-правовых реалий в интерпретации суверенитета, С.В. Поленина, обосновывавшая концепцию правового ограничения суверенитета [5], а также С.Ю. Кашкин, связывавший трансформацию суверенитета с тенденциями правовой интеграции [6] и др. В англоязычной традиции

доминируют подходы, представленные работами A.-M. Slaughter [7], обосновывающей доктрину сетевого государства, а также N. Walker [8], развивающего концепцию постсуверенного конституционализма . Особый интерес представляет позиция S. D. Krasner [9], предлагающего различать четыре типа суверенитета — внутренний, внешний, международный и интердепендентный, — что позволяет по-новому взглянуть на правовую природу данного явления в условиях глобализирующегося мира".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Таким образом, современная доктрина переходит от восприятия суверенитета как абсолютной, неподотчётной власти к его осмыслению как конструкта, находящегося в постоянной динамике. Эта динамика отражает не только изменяющуюся роль государства, но и смену ценностных ориентиров в праве: от доминирования идеи суверенной воли к приоритету универсальных прав и глобальных механизмов правосудия. Суверенитет уже не является единичным, эксклюзивным атрибутом государства, но представляет собой совокупность полномочий, юридически фиксируемых и институционально распределемых, подверженных пересмотру и согласованию в условиях глобализирующегося правопорядка"; "Современная правовая наука всё чаще апеллирует к концепции симбиоза правопорядков, согласно которой международное и конституционное право вступают в диалог, а не в конфликт. Речь идет не просто о приоритете одного над другим, а о необходимости их согласования в процессе интерпретации и применения. В различных странах этот подход реализуется по-разному: в ряде случаев (как в Германии или Нидерландах) международное право получает прямое применение, в других (например, в России или Великобритании) — подлежит конституционной адаптации. Такая асимметрия правовых практик, по сути, является отражением продолжающейся борьбы за пределы суверенитета в условиях глобального конституционализма"; "Необходимо при этом отличать концепцию разделяемого суверенитета от федерализма, конфедерализма и иных традиционных форм распределения власти. Федерализм основан на вертикальной децентрализации в рамках одного государства, где субъекты федерации обладают ограниченным, но конституционно закрепленным объемом суверенных прав. Конфедерализм же предполагает союз независимых государств, сохраняющих полный суверенитет, но объединенных договором ради определенных целей. Разделяемый суверенитет не сводится ни к одной из этих моделей: он формируется на основе добровольного, но юридически значимого перераспределения власти между государством и иными акторами, зачастую не обладающими статусом государства. В этом смысле можно говорить о принципиальной новизне рассматриваемой категории: она не является просто новой формой федерализма или конфедерации, а представляет собой качественно иной тип правового взаимодействия, основанный на взаимной зависимости и функциональной координации"; "Таким образом, правовые механизмы и институциональные формы разделяемого суверенитета представляют собой сложную систему многоуровневых взаимодействий, основанную на гибком перераспределении компетенций, судебной интерпретации, национальном конституционализме и международном правопорядке. Эта система не предполагает исчезновения государственности, а, напротив, свидетельствует о её преобразовании в условиях глобального правового поля, где суверенитет реализуется не в изоляции, а во взаимодействии" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, раскрывает его цель, задачи и методологию.

Основная часть работы состоит из нескольких разделов: "Эволюция концепции государственного суверенитета в правовой теории и практике"; "Факторы трансформации суверенитета в современном конституционализме"; "Концепция «разделяемого» суверенитета: теоретические основания и правовая природа"; "Правовые механизмы и институциональные проявления разделяемого суверенитета"; "Риски, вызовы и перспективы развития концепции суверенитета в условиях трансформации конституционализма". В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 27 источниками (монографиями и научными статьями), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной. Работа выполнена на высоком академическом уровне.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Ж. Боден, Д. Локк, Й. Habermas и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Современные трансформации в сфере публичной власти, вызванные углубляющимися процессами глобализации, цифровизации и институционального переплетения национальных и наднациональных правопорядков, обостряют дискуссии о природе и будущем суверенитета как краеугольного камня конституционного строя. Концепция суверенитета, ранее воспринимаемая как неделимое выражение государственной воли и исключительного права распоряжаться внутренними и внешними делами, подверглась серьёзной ревизии. Сложность, множественность и фрагментарность современных источников власти демонстрируют, что классическое понимание суверенитета как абсолютной автономии государства утратило свою нормативную универсальность и политическую применимость. Взамен возникает необходимость теоретического и правового осмыслиения многоуровневой, гибкой, институционально распределённой системыластных полномочий, где суверенитет не исчезает, но качественно преобразуется. Одним из центральных векторов этой трансформации становится формирование доктрины «разделяемого» суверенитета, представляющей собой не отступление от традиционного суверенитета, а его развитие в новых институциональных и нормативных координатах. Согласно этой концепции, государство не теряет суверенитет, передавая часть своих полномочий наднациональным или международным институтам, но, напротив, реализует его через участие в глобальных и региональных правовых конструктах. В такой логике суверенитет приобретает процессуальную природу, выражющуюся не в замкнутом обладании властью, а в способности к добровольному делегированию, координации и адаптации. Исследователи подчёркивают, что в XXI веке суверенитет может функционировать как институциональный канал включённости в мировое право и экономику, сохраняя при этом устойчивость внутренних политико-правовых механизмов. Однако этот процесс сопряжён с рядом противоречий, требующих комплексного теоретико-правового осмыслиения. С одной стороны, разделение суверенитета открывает государствам новые возможности для коллективного решения транснациональных проблем — от миграции до кибербезопасности, от регулирования рынков до климатических вызовов. С другой — оно порождает риск утраты суверенной субъектности в случае отсутствия эффективных механизмов обратной связи, контроля и пересмотра переданных полномочий. Таким образом, важнейшей задачей современного конституционализма становится разработка таких моделей институционального взаимодействия, в которых делегирование не подрывает легитимность, а напротив — укрепляет её через правовую предсказуемость,

демократическое участие и соблюдение принципов правового государства" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен, прежде всего, со стороны специалистов в сфере конституционного права.